

В домашнем кругу

В Государственной Третьяковской галерее (в Лаврушинском переулке) открылась выставка, посвященная 225-летию со дня рождения Василия Андреевича Тропинина. Представлено более пятидесяти живописных и графических работ из собрания галереи, а также музея В. А. Тропинина и московских художников его времени, Государственного Исторического музея, Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств, Всероссийского музея А. С. Пушкина.

Выставка кажется скромной, для нее не стали искать особого помещения, расширив пространство постоянной экспозиции. И тем не менее она была замечена художественной общественностью и зрителями. Прежде всего обратили внимание на неожиданность самого юбилея. Оказалось, что сотрудники галереи установили точную дату рожде-

Портрет
А. В. Тропинина.
Около 1818

ния художника — 18 марта 1780 года. Тропинин помолодел на целых четыре года. Это значит, что не в двадцать три года, а девятнадцатилетним юношей, будучи крепостным графа Моркова, он начинает посещать портретный класс Академии художеств, до этого обучаясь у кондитера, как пожелал его владелец, а в сорок три года, а не в сорок семь, как думали раньше, получает от барина вольную.

Надо сказать, что Тропинин относился к тем удивительным людям, которые, переживая свою подневольность и несомненно тяготясь ей, не испытывал «рабых чувств» и глубокой ущемленнос-

ти. Он был в ладу с самим собой и с миром, природное добродушие спасало его во всех жизненных передрыгах. Еще будучи крепостным, он, поселившись в Москве, сумел в течение нескольких лет найти заказчиков и стать популярным портретистом. А еще через десятилетие о нем говорили как о художнике прославленном и чисто «московской складки».

На выставке представлены портреты разных периодов жизни художника. От ранних, где он еще неуклюже провинциален, до работ европейского уровня, тонких по колориту, свободно и вольно написанных, психологически убедительных. Тропинин чувствовал веяния времени, но романтизм оказался чужд его натуре, сентиментализм был ближе, но не настолько, чтобы он изменил природной трезвости взгляда. Художник брал от художественной моды то, что было ему близко. Он надеялся портретируемых своей душевной ясностью и душевным равновесием, сохранял в их позах естественность и домашнюю непринужденность; часто ему позировали в халате. Его так и прозвали — «халатным живописцем».

Авто-
портрет.
1846

На знаменитом автопортрете он тоже в халате, и ничего нарочитого в этом нет. Художник изобразил себя с палитрой — он только что оторвался от работы. Правда, в позе его некоторая величавость, подчеркнутая фоном: за спиной художника кремлевские башни и соборы. Но поза эта и фон не придуманы. Тропинин жил на Ленивке (эта коротенькая улица упиралась в Волхонку неподалеку от места, где стоит теперь здание Музея изобразительных искусств), из окон его мастерской открывался вид на кремлевские башни. И на других портретах — по просьбе ли заказчиков или по своему почину — ху-

дожник изображал московские достопримечательности: уголок Замоскворечья на портрете Протасовой, угол небольшого особняка за фигурой Вейкова, кремлевские соборы на портрете (предположительно) Волконской-Левицкой. По всей видимости, желание заказчика совпадало с его соб-

Гитарист.
1823

Кружев-
ница.
1823

ственным. И это совпадение само по себе замечательно. Вот как он объяснял, почему на его портретах люди улыбаются: «Да ведь я не придумываю и не сочиняю этих улыбок — я их пишу с натуры. Зачем придавать полотну неприятное выражение, которое останется без изменений, зачем производить тяжелое впечатление, возбуждать тяжелые воспоминания в любящих этого человека...» Не угодить он хотел, как это часто случалось с портретистами, а сделать доброе дело для заказчика и его близких.

Среди лучших портретов художника, убеждающих нас в его способности предвосхитить свое время, — портреты сочинителя романсов и гитариста Булахова и сына Арсения. Гармония сияющих золотисто-розовых и зеленовато-коричневых тонов, подчеркивающих ясность и чистоту облика ребенка, конечно, подчеркнута отцовскими чувствами. А эта мозаика своеобразных, мягко звучащих тонов, эта живость и игра легких мазков в портрете Булахова — может быть, они передают музыкальные впечатления? Известно, что в доме на Ленивке собирались артисты Малого театра, любители и собиратели русских песен и романсов. Под гитару

Портрет
К. П. Брюллова.
1836

пели и Мочалов, и Варламов, и, конечно, Булахов, обладатель бархатного, золотистого тенора (известно, что он пел в спектаклях Малого театра).

Неделю присутствовал на выставке портрет А. С. Пушкина, привезенный из Дома-музея поэта на Мойке. Он настолько известен и восхвален, что поневоле скользишь по нему взглядом и вдруг останавливаешься: губы поэта что-то шепчут. Спокойный, самоуглубленный, о чем-то задумавшийся, — а губы шепчут или готовы что-то сказать. Такое мог передать только большой мастер.

Л. Осипова